

## ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ МАЗЕПА

Измену Мазепы легче понять в свете принятого Карлом в середине сентября решения повернуть на юг. Трехтысячный авангард генерала Андерса Лагеркроны с шестью пушками был выслан вперед, чтобы занять переправы через реки Сож и Ипуть и двигаться на укрепленные города Мглин и Почеп. Оба этих пункта имели для Карла жизненно важное значение:

если он вознамерился овладеть не тронутой разорением Северской землей и ее главным городом Стародубом до прибытия русских войск, необходимо было прибрать к рукам эти два города — по существу, ворота провинции, и захлопнуть их перед носом Петра.

Мобильный отряд Лагеркрона ориентировался по карте, составленной службой шведского квартирмейстера. Однако, не доходя до Ипути, Лагеркрона неожиданно наткнулся на не отмеченные на карте дороги, которые показались ему удобнее и короче тех, что были на шведских картах, и предпочел одну из них. Но вместо того, чтобы привести его к Мглину и Почепу, на юго-восток, дорога повела на юг — прямо к самому Стародубу. В результате Лагеркрона миновал оба ключевых пункта, которые должен был занять, и «ворота» провинции так и остались открытыми.

Карл с основными силами следовал за ним. 19 сен-

263

тября его войска переправились у Кричева через Сож по мостам, наведенным авангардом Лагеркрона, и двинулись на юг — сквозь раскинувшийся между Сожем и Ипутью густой лес. Ослабевшие от голода люди и кони едва плелись, некоторые падали и уже не могли подняться. Дизентерия нещадно косила шведские ряды. «Думается, в этих скитаниях мы потеряли больше, чем если бы дали неприятелю сражение», — писал Джеф-фрис. Выбравшись из леса, армия направилась было к Мглину, но тут королю стало известно, что Лагеркрона пошел прямо на юг, а стало быть, Мглин и Почеп не заняты. Мгновенно оценив всю опасность положения, Карл, отобрав наиболее пригодных из своих измученных людей, спешно сформировал еще один авангард, лично возглавил его и повел на Мглин и Почеп. Когда же, ценой немалых усилий, король добрался до лежавшего в шести милях от Мглина села Костеничи, выяснилось, что в городе уже полно русских войск.

Когда Петр устраивал оборонительный рубеж на Смоленской дороге для защиты Северской земли, он оставил здесь генерала Николая Инфлянта, и тот не преминул занять и Мглин, и Почеп. Конечно, небольшой отряд Карла мог бы напасть на Мглин, но для того, чтобы выбить противника из укрепленного города, требовались орудия, а они остались далеко позади. Правда, у Лагеркрона было шесть пушек, да только его самого нигде не было видно. Карл, проигравший таким образом гонку и не поспевший первым к воротам провинции, остановил свой отряд, который все равно был слишком измотан, чтобы идти вперед. К тому же король сообразил, что ошибка Лагеркрона может обернуться на пользу шведам, поскольку двинувшись на юг, генерал пошел прямо к сердцу Северской земли и перекрестку ее важнейших дорог — Стародубу. Если Лагеркрону удалось бы занять Стародуб, это, безусловно, перевесило бы неудачу с захватом Почеп и Мглина. Вдогонку Лагеркрону были посланы гонцы с приказом овладеть городом.

264

Между тем Лагеркрона уже добрался до Стародуба, но не занял его. Он был до того смущен и раздосадован, что выбрал неверную дорогу и пришел не к тому городу, что отказался штурмовать Стародуб, как ни уговаривали его другие офицеры. Он получил приказ сначала овладеть Мглином и Почепом, а лишь затем Стародубом, и считал необходимым действовать именно в такой последовательности. Встав лагерем под стенами Стародуба, Лагеркрона запретил своим людям входить в город даже в поисках пропитания и крова, а на следующий день прибыли солдаты Инфлянта и взяли город под свою защиту. Когда Карл узнал о случившемся, он взорвался: «Лагеркрона, верно, сошел с ума!»

Карл понимал, что оказался в очень сложном положении. Стародуб, так же как Мглин и Почеп, находились в руках неприятеля. Когда под Мглином собрались последние выбравшиеся из леса отряды, король провел смотр войск и убедился в том, что солдаты не готовы к схватке с силами Инфлянта. Люди голодали и, пытаясь пополнить свой скудный паек, собирали ягоды и коренья. Здесь, 7 октября, Карла настигла весть о поражении Левенгаупта. Русские в Мглине узнали об этом первыми и отметили царскую победу пушечной пальбой, которую слышали в шведском лагере. 11 октября в королевский лагерь стали прибывать остатки разбитых войск Левенгаупта. Конечно же, все припасы погибли, и вместо 12500 солдат Левенгаупт привел лишь половину — изголодавшихся, измученных и павших духом.

Северская земля была для шведов потеряна. Через Почеп хлынула армия Шереметева.

Повсюду рыскали калмыки, предавая окрестности разорению и огню. У короля не было выбора: он мог двигаться только на юг. 11 октября Карл снялся с лагеря и выступил к Десне - реке, разделявшей Северскую землю и Украину.

Плодородная Украина, богатая хлебом и скотом, сулила Карлу то, в чем он так нуждался, - кров, отдых, а возможно, и пополнение. Если бы удалось переманить

265

на сторону шведов казачьего гетмана Мазепу, королевская армия прожила бы зиму в полной безопасности. Тысячи конных казаков восполнили бы понесенные за год потери. К тому же в столице Мазепы Батурине можно было разжиться и порохом. Поэтому, получив известие о поражении Левенгаупта, Карл на следующий же день послал Мазепе срочного гонца с просьбой предоставить зимние квартиры. В положительном ответе он не сомневался: уже не первый месяц Мазепа тайно хлопотал о союзе со шведами.

Чтобы обеспечить скорейшую переправу через Десну на украинские земли, Карл отправил авангард под командованием Крейца захватить мост в Новгороде-Се-верском. Крейц не останавливался ни днем, ни ночью и прибыл 22 октября, но было уже поздно. Русские поспели раньше и разрушили мост. Вообще впервые за все время русские явно овладели инициативой. Разведка у них была поставлена так, что, казалось, они заранее знали, куда направятся шведы, и опережали их. Но как бы тревожно и даже зловеще это ни выглядело, вера и надежда не оставляли шведов. Ведь впереди лежала страна, по выражению Джеффриса, «текущая молоком и медом» край, где правил гетман украинских казаков — Иван Мазепа.

Всю весну и лето 1708 года гетмана терзали сомнения. Он был подданным царя Петра, а казацкие земли со всех сторон окружали более сильные соседи: на севере — русские, на западе — поляки, на юге — татары. Но исконная мечта казаков о независимой Украине не покидала Мазепу. Ему хотелось избежать малейшего риска и в то же время не упустить ни малейшей возможности. С вторжением шведской армии и почти предрешенным поражением Петра, возможности определенно перевешивали риск. Казацкому вождю, который славился как своими подвигами на бранном поле, так и амурными

266

похождениями, и который на протяжении двадцати одного года оставался предводителем беспокойного казачьего племени, настало время сделать окончательный выбор. Мазепе было шестьдесят три года, он страдал подагрой, но, как и прежде, слыл проницательным, расчетливым и неотразимо обаятельным. Жизнь его составила целую эпоху в истории казачества. Иван Степанович Мазепа родился в 1645 году в семье мелкого шляхтича с Подолии, одной из порубежных земель той части обширной Украины, что лежала к западу от Днепра и находилась под властью Польши. В Подолии господствовали католики, а Мазепа происходил из православного рода; один из его родичей, за полвека до появления Мазепы на свет, погиб от руки поляков на костре. Однако путь к карьере в те времена пролегал через католические школы и двор польского короля, и Мазепа поступил в иезуитскую академию, но, выучившись свободно говорить на латыни, остался верен православной религии. Привлекательный и сметливый юноша был взят ко двору польского короля Яна Казимира, но его происхождение и вера сделали его объектом постоянных нападок со стороны поляков-католиков. Однажды, доведенный до бешенства, Мазепа выхватил саблю. Всякий, обнаживший оружие-во дворце, подлежал смертной казни, но король учел обстоятельства дела и смягчил наказание. Мазепе пришлось уехать на Волыньщину в имение матери. Рассказывали, что там он приглянулся жене соседнего помещика и что оскорбленный супруг поймал виновных с поличным. Мазепу раздели донага, обмазали дегтем, обсыпали пухом и привязали к коню, которого пустили вскачь сквозь заросли. Когда конь донес Мазепу до ворот дома, молодой человек был так истерзан, что собственная челядь едва его признала. Претерпевшему подобное унижение Мазепе не было места в обществе польской шляхты, и он нашел прибежище там, где всегда искали его изгои общества — среди казаков.

267

Тогдашний гетман сразу обратил внимание на молодого человека, который был умен и храбр, бегло говорил по-польски, по-русски, по-немецки и по-латыни. Мазепа быстро делал карьеру — стал ротмистром гетманской стражи, а затем генеральным писарем. В эти годы он ездил на левый, русский, берег Днепра с поручениями от правобережного гетмана к тамошним

казакам, а также побывал с дипломатической миссией в Стамбуле. Возвращаясь из Турции, он был захвачен запорожцами, в то время приверженными царю Алексею, и отправлен в Москву для розыска. Допрашивал его не кто иной, как друг и сановник царя — Артамон Матвеев, которого Мазепа сумел расположить к себе и убедить в своей преданности интересам России. Мазепа был обласкан, удостоен аудиенции у царя и отправлен обратно на Украину. В годы правления царевны Софьи образованность Мазепы и его умение держаться очаровали князя Василия Голицына, как прежде Матвеева. В 1687 году гетман Самойлович был отрешен от должности, став козлом отпущения за неудачу крымского похода Голицына, и любимец царевны посодействовал Мазепе сделаться его преемником.

В целом правление Мазепы протекало безоблачно. Он хорошо усвоил самое главное правило — всегда стоять на той стороне, которая взяла верх в Москве. По прошествии двух лет после провозглашения гетманом, Мазепа ухитрился удивительно точно и своевременно выбрать верную линию поведения на завершающем этапе противоборства между Софьей и Петром. В июне 1689 года он отправился в Москву в намерении выказать свою верность Софье и Голицыну, но по прибытии быстро смекнул, что Петр несомненно одолевает, и тут же поспешил в Троицу — заявить о своей приверженности юному царю. Среди заметных персон государства Мазепа перешел на сторону Петра одним из последних, но вскоре сумел добиться расположения и доверия государя, очаровав его живостью манер и занятностью разговора. Против гетмана выдвигались обвинения, распускались порочившие его

268

слухи, но ничто не могло поколебать его положения, и он оставался среди высочайших сановников государства. Одним из первых он был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного, и по просьбе Петра Август наградил его польским орденом Белого Орла.

Но, несмотря на полное доверие со стороны царя, гетман находился в весьма непрестом положении. Зависимость от Москвы вызывала негодование многих казаков, которые к тому же сами раскололись на новую местную шляхту, завладевшую бывшими именьями польских помещиков, и рядовых казаков, вовсе не обрадованных появлением новых панов. Они мечтали о вольной казацкой жизни на манер Запорожской Сечи. Там, за днепровскими порогами, казаки жили по обычаям отцов и дедов, и их пример не давал покоя мятежным душам. С другой стороны, украинских землевладельцев и горожан не прельщала казацкая вольница — они стремились к мирной жизни, спокойной торговле и процветанию. В итоге, простые казаки поносили гетмана, утверждая, что он стал царским холопом, тогда как зажиточные землевладельцы и горожане требовали, чтобы он навел порядок и утихомирил смутьянов.

Мазепа, шляхтич по происхождению, с польским образованием и светскими манерами, естественно, склонялся к интересам землевладельцев и в течение ряда лет умудрялся успешно сочетать их с интересами Москвы, конечно же, не забывая и о своих собственных. За годы правления Мазепа приобрел огромные богатства и власть и даже возмечтал, чтобы выборный гетманский пост сделать наследственным. Верноподданность царю и Москве стала краеугольным камнем политики Мазепы, но в глубине души он желал того же, что и его народ — независимости Украины. Уния с Россией лежала на Украине нелегким бременем, многократно усиливавшимся за долгие годы войны. Росли поборы, на казацких землях возводились крепости, и в них размещались московские гарнизоны. Царь беспрестанно требовал продо-

269

вольствия и подвод, и нескончаемые обозы тянулись по украинским степям к опорным пунктам российских войск. Царские офицеры набирали в украинских селах рекрутов — кого волей, а кого и неволей. Казаки жаловались, что русские грабят их дома, забирают припасы, насилюют их жен и дочерей. Во всех этих бесчинствах, так же как и в непомерно возросших аппетитах Москвы, народ винил гетмана. А тому и самому опостылело во всем угождать царю и опасаться зависти и ревности его ближних людей, пуще всего Меншикова, который был не прочь унизить Мазепу и, по слухам, сам хотел сделаться гетманом. Да и прозападная политика Петра смущала и тревожила гетмана, консервативного до мозга костей, когда речь шла о религии и традициях.

Но в водовороте политических течений, окруженный действительными и мнимыми врагами,

Мазепа удерживал власть благодаря покровительству Петра. В конце концов, пока он поддерживал Петра, тот, в свою очередь, поддерживал его самого, а от этого зависело быть или не быть казацкому гетману. За годы правления Украиной Мазепа явил Петру немало доказательств своей верности — в частности, сумел удержать запорожцев от выступления на помощь Булавину, чем заслужил полное и безоговорочное доверие Петра. Время от времени царю доносили, что гетман плетет заговоры, состоит в переписке со Станиславом и даже с самим Карлом, но Петр и слышать ни о чем не желал, считая все эти наветы происками врагов Мазепы, верного ему гетмана.

В действительности же, эти обвинения были небезосновательны. Мазепа всегда стремился оставаться на стороне победителя. Каково придется казакам и ему самому, размышлял Мазепа, если Карл пойдет на Москву и низложит Петра, а гетман не успеет вовремя отречься от царя? Если Карл посадит на русский трон нового царя, как он уже посадил Станислава на польский престол, не захочет ли он подыскать и нового гетмана для Украины? Зато, если Мазепа вовремя заявит

270

о своей лояльности шведскому королю, победа Карла может открыть путь к созданию самостоятельной казацкой державы с наследственным гетманом во главе.

Чтобы не упустить случай, Мазепа почти три года поддерживал тайные сношения с врагами Петра. Правда, поначалу он отклонил было все предложения искавшего подходы к нему Станислава. В 1705 году он отослал к Петру закованного в кандалы посланца польского короля и с негодованием писал:

И я, гетман, верный Вашего Царского Величества, подданный по должности обещанию моему, на Божественном Евангелии утвержденному, как отцу и брату Вашему служил, так ныне и Вам истинно работаю, и как до сего времени аки столп непоколебимый и ахи адамант несокрушимый пребывал, так и сию малую службинку повергаю под монаршеские стопы<sup>4</sup>.

Пока Карл был далеко, верность Мазепы Петру была тверда. Но по мере приближения слывшего непобедимым войска Карла, в душе Мазепы нарастало возбуждение и беспокойство. Подобно почти всей Европе, он не сомневался в том, что, коль скоро шведский король замыслил разбить царя, крах Петра неминуем. Но выразить поддержку Карлу раньше времени значило для Мазепы навлечь на Украину вторжение русских войск, что могло бы закончиться крахом для него самого.

Весной 1708 года колоритная натура гетмана едва не довела его до беды. Мазепа умел завоевывать расположение женщин так же легко, как и дружбу мужчин. Всю жизнь за ним следовала слава сердцееда. Он и в шестьдесят три года оставался пылким и влюбчивым и завел роман с собственной крестницей, прекрасной казачкой Матреной Кочубей, которая тоже самозабвенно полюбила его. Мазепа предложил жениться на ней, но родители с негодованием отказали, и отчаявшаяся девушка убежала из дому к гетману. Мазепа отослал Матрену к родителям со словами: «Сама знаешь, як я сердечно шалене люблю:

271

еще никого на свете не любил так. Мое б то щастье и радость, чтоб нехай ехала, да жила у мене», — но церковь не позволяла жениться на крестнице, да и удерживать девушку у себя против воли ее родителей Мазепа не хотел. Отец Матрены, генеральный судья Кочубей, пришел в ужас и ярость, считая, что дочь его была похищена и опозорена. Он задумал отомстить гетману и, прослышав о том, что Мазепа плетет интриги с поляками и шведами, в начале марта 1708 года донес об этом Петру. Но царь продолжал верить своему гетману, и попытка Кочубея бросить тень на Мазепу лишь разгневала государя, который усмотрел в ней стремление перед лицом иноземного нашествия возмутить спокойствие на Украине. Мазепе царь написал, что никаким наговорам не верит и твердо решил положить им конец. Кочубей был арестован, подвергнут допросу и, поскольку не смог подтвердить свои обвинения неопровержимыми доказательствами, выдан Мазепе. К облегчению гетмана и к ужасу Матрены, 14 июля 1708 года Кочубей был обезглавлен.

Именно в это время Мазепа окончательно решил связать свою судьбу со шведами. Карл обещал ему, что, по мере возможности, будет держаться за пределами Украины и не превратит казацкие земли в поля сражений, но гарантировать независимость Украины, чего так жаждал Мазепа, не спешил. Карл не хотел задевать ни казаков, ни поляков. Польша по-

прежнему претендовала на восточную Украину, и Карл вовсе не собирался охлаждать энтузиазм одного союзника, отдавая предпочтение интересам другого.

С казнью Кочубея слухи о сношениях гетмана с неприятелем не прекратились, и, чтобы разобраться во всем, царь призвал Мазепу к себе. Гетман ехать не боялся — он был убежден в том, что сумеет уверить царя в своей невиновности, — но предпочитал выжидать, пока не станет ясен исход войны. Если окажется, что одолевает Петр, соглашение со шведами можно без шума предать забвению. Поэтому Мазепа тянул время, отгова-

272

риваясь тяжелым недугом. Для пушей убедительности, он принял царского гонца, лежа на «смертном одре», и даже призвал священника, чтобы получить последнее причастие. Одновременно Мазепа отправил послания и Петру, и Карлу, уверяя обоих в своей преданности и каждого прося о помощи.

Принятое Карлом в сентябре решение идти на Украину обрушилось на Мазепу как гром среди ясного неба. Гетман ожидал похода шведов на Москву и свержения Петра, как и обещал ему король. Узнав, что Карл приближается к Украине, Мазепа оказался перед неизбежностью открытого выступления на стороне одного из противников. Стало ясно, что украинским землям не избежать ужасов опустошительной войны. Страх охватил его: два могущественных монарха вели на Украину свои войска. Мазепа клялся в верности обоим, и понимал, что если в роковой час ошибется и сделает неправильный выбор, гибель его неминуема.

Еще раньше, летом, царь велел гетману сажать казаков на коней и вести за Днепр - тревожить тылы шведской армии. Мазепа отвечал, что он слишком хвор для похода, да и нужен на Украине, дабы сохранять край в верности государю. Петра устроило это объяснение: кто знает, куда повернутся при появлении шведов буйные казацкие головы.

13 октября Петр снова велел гетману явиться к нему, на сей раз в Стародубе. Мазепа опять сослался на немочи, и Петр позволил ему остаться в Батурине, гетманской резиденции, написав Меншикову, что «гетмана отволакивать ненадобно, понеже большая польза от него в удержании своих, нежели в войне».

Но теперь тысячи солдат в потрепанных и грязных мундирах - русские в зеленых и красных, шведы в сине-желтых - с мушкетами, вскинутыми на плечо или притороченными к седлу, колоннами тянулись по дорогам на

273

юг, Шереметев с основными русскими силами двигался параллельно армии Карла, готовый перерезать королю путь, если шведы повернут на восток; к западу от шведских колонн двигался к югу отдельный кавалерийский корпус Меншикова, и путь его пролегал близ Батурина. Петр искренне верил, что гетман так плох, что стоит на краю могилы и поручил Меншикову проведать его и даже собрать казацких старшин для выборов возможного преемника. Исполняя царскую волю, Меншиков известил Мазепу о своем намерении посетить Батурин. Гетман решил, что царь проведает о его замыслах, и Меншиков, которого Мазепа опасался и ненавидел, едет затем, чтобы арестовать его, а то и убить. И Мазепа потерял голову. Оглядываясь назад, понимаешь, что разумнее для Мазепы, коль скоро он склонился на сторону Карла, было бы отсидеться в Батурине до прихода шведов. Даже появившись Меншиков раньше Карла — с одной конницей, без пушек, он не мог угрожать укрепленному городу. Мазепа не знал, как велики силы Меншикова, зато самого Меншикова он знал очень хорошо и боялся его, а еще больше боялся того, что будет, когда о его измене узнает Петр. Решив, что настало время играть в открытую, Мазепа оставил в Батурине 3000 казаков с приказом не впускать русских, а сам вскочил в седло и во главе 2-тысячного отряда поскакал на север, чтобы вверить свою судьбу королю Швеции. Обстановка складывалась не в пользу Петра, но Меншиков спас положение решительными и быстрыми действиями. Князь -прибыл в Батурин 26 октября и обнаружил, что Мазепы и след простыл, а казаки заперлись в городе и не открывают ворота. Меншиков почуял недоброе — он опросил окрестных жителей и выяснил, что Мазепа в сопровождении большого отряда ускакал по направлению к переправе через Десну. Понять, что это значило, было нетрудно; к тому же нашлись казацкие старшины, которые явились к князю просить его покровительства и донесли, что гетман изменил и перебежал к шведам.

274

Сознавая необходимость обсудить случившееся с Петром, Меншиков выделил для прикрытия Батурина кавалерийский заслон во главе с князем Голицыным, а сам без промедления отправился к царю, который находился при армии Шереметева. Известие о вероломстве Мазепы ошеломило Петра, но самообладания он не потерял. Сейчас главным для него было во что бы то ни стало не дать измене обрести новых сторонников.

Чтобы не допустить цепной реакции, царь принял энергичные меры. Еще ночью, едва прослышав о бегстве гетмана, Петр тут же приказал Меншикову разослать по окрестностям драгунские полки с тем, чтобы пресекать любые попытки украинских и запорожских казаков прорваться в шведский лагерь и соединиться с Мазепой. На следующий день, 28 октября, Петр издал манифест ко всем жителям Украины. Объявляя об измене Мазепы, царь взывал к их религиозным чувствам. Утверждая, что Гетман предался шведам затем, «чтобы малороссийскую землю поработить по-прежнему во владение польское, и церкви Божия и святые монастыри отдать в унию (католикам)»<sup>7</sup>. Манифест зачитывали по городам и селам Украины и в низовьях Волги. Царь призывал казаков поддержать нового гетмана и выступить против шведских захватчиков, союзников извечного казачьего недруга — ляхов. Помимо патетических призывов, Петр не преминул использовать и всем известную склонность казаков поживиться разбоем. За взятых в плен шведов назначались награды: от 2000 рублей за генерала и 1000 за полковника до 5 рублей за рядового солдата. Убитого шведа оценили в три рубля.

Не теряя времени, Петр обратился и к текущим военным вопросам. Представлялось очевидным, что Карл непременно устремится к Батуруну — укрепленной столице Мазепы, где имелись большие запасы провианта и пороха. Спешно собранный военный совет порешил, что Меншикову с немалыми силами и артиллерией надлежит вернуться к Батуруну и захватить город прежде, чем

275

к нему поспеют Карл с Мазепой. Петр был спокоен, зная, что шведы вот-вот переправятся через Десну, и твердил Меншикову, чтобы тот выступал, не мешкая, и действовал решительно и сурово.

Началась гонка — кто раньше попадет в Батурин.

Когда в последние дни октября к армии Карла, почти достигшей берега Десны, прибыл Мазепа, вид его пестрого воинства заметно ободрил шведских солдат. Правда, шведы надеялись, что казаков будет побольше, но их заверили, что в Батуристине к ним присоединится подкрепление. И офицеров, и солдат воодушевляла близкая возможность добраться до дружественного города — укрепленного, с удобными квартирами и с изрядными запасами провианта и пороха. Хотя русские заняли переправу у Новгорода-Северского и переправляться шведам пришлось на виду у армии Галларта, это не убавило их бодрости. Переправа оказалась нелегкой: Десна в этом месте широкая, с быстрым течением и высокими берегами, и после первых морозов на воде появилось множество плавучих льдин. 3 ноября Карл при поддержке Мазепы применил свою излюбленную тактику. Имитируя переправу выше по течению, он сумел ввести русских в заблуждение, а затем нанес мощный удар прямо через реку, в центр неприятельских позиций. К вечеру, преодолев отчаянное сопротивление уступавших в числе русских войск, король вступил на землю Украины. Ближайшая цель была ясна: на юг, к Батуруну! Дорога открыта. Но Карл не ведал о том, что в тот самый день, когда он, перейдя через реку, ступил на украинскую землю, Батурин перестал существовать.

Меншиков выиграл гонку. 2 ноября он появился у стен Батурина во главе кавалерии и посаженной в седла пехоты, и казакам пришлось выбирать между гетманом

276

и царем. Меншиков требовал открыть ворота, но казаки поначалу отвечали, что не могут впустить солдат в город, пока не получат приказа от нового гетмана, которого еще предстояло избрать. Князь, зная, что неприятель на подходе, настаивал. Казаки по-прежнему упорствовали, но клялись в верности царю и просили дать им три дня, чтобы беспрепятственно вывести из города гарнизон. Меншиков на эту отсрочку не согласился и требовал, чтобы казаки немедленно покинули крепость, обещая им в этом случае безопасность. Вынужденные дать быстрый и определенный ответ, казаки отбросили колебания и послали назад к Меншикову его гонца с дерзким отказом: «Все здесь помрем, а царского войска не

пустим»<sup>8</sup>.

На следующий день, 3 ноября, едва занялось утро, войска Меншикова пошли на приступ, и батуринцы, после двухчасового сопротивления, наконец сдались. (По слухам, ворота открыл казак, надумавший переметнуться к русским.) Петр предоставил Меншикову решать судьбу города, но выбора у того уже не оставалось. К Батурину быстро приближалась основная шведская армия вместе с Мазепой, а на подготовку к осаде у Меншикова не хватало ни времени, ни сил. Однако он не мог допустить и того, чтобы шведы овладели крепостью вместе со всеми запасами продовольствия и снаряжения. И он отдал приказ уничтожить город. Солдаты Меншикова истребили все население Батурина — и казаков, и мирных обывателей. Пало 7 000 человек и только 1000 уда-лось скрыться. Все, что можно было унести, раздали солдатам, а сам город вместе со столь необходимыми шведам припасами был предан огню. Батурин — старинная казацкая твердыня — исчез с лица земли.

Петр считал, что судьба Батурина должна послужить уроком для всякого, кто замыслит измену. И он не ошибся; удар был жесток, возмездие наступило мгновенно, и казаки уразумели, что существует могучая сила, карающая немилосердно. Дабы еще более ограничить возможное влияние изменника, Петр срочно созвал казацких

277

начальников и старшин, и предложенный им кандидат — стародубский полковник Скоропадский — был избран гетманом вместо Мазепы. На другой день прибыл митрополит Киевский с двумя другими архиереями, и Мазепа был торжественно отлучен от церкви и предан анафеме. Для пущей наглядности, куклу, изображавшую Мазепу, пронесли по улицам, а затем вздернули на виселицу ~ лицом к лицу с повешенными защитниками Батурина. Анафему бывшему гетману провозглашали в церквях в Москве и по всей России, а царский манифест сулил подобную участь всем государевым изменникам.

Таким образом, Петру удалось притушить пламя Ма-зеповой крамолы прежде, чем пожар успел распространиться. Украина раскололась, и сколь ни созывал Мазепа казаков в шведский лагерь, откликнулись немногие, большинство же предпочло сохранить верность царю. Не больше проку было и от обещания Карла взять казаков под свою защиту. Народ украинский держался царя и нового гетмана, коней и провизию укрывали, а отбившихся шведов захватывали в плен и доставляли к русским войскам в расчете на вознаграждение. Довольный Петр писал Апраксину: «Малороссийский народ так твердо с помощью Божией стоит, как больше нельзя от них требовать; король посылает прелестные [подстрекательские] письма, но сей народ неизменно пребывает в верности и письма королевские приносит»<sup>9</sup>.

С потерей, вслед за обозом Левенгаупта, армейских и продовольственных складов Батурина запасы провианта и пороха у шведов уменьшились до опасной черты, а пополнить их здесь, в глубине России, было неоткуда. Обманулся Карл и в надежде на массовое выступление казаков на Украине. Вместо того, чтобы найти убежище в безопасном краю, шведы вновь попали в окружение конных разъездов, которые жгли и разоряли все вокруг, и силы их таяли с каждым днем.

Для Мазепы все произошедшее обернулось катастрофой. Он мечтал разделить блистательный триумф с

278

победителем, а выбрал свою гибель. Столица его была стерта с лица земли, сан достался другому, сторонники его покидали. Поначалу он убеждал Карла, что жестокость Меншикова только разъярит казаков, но и это оказалось иллюзией, и в одну ночь горделивый казацкий гетман превратился в сломленного старика, жалкого беглеца, искавшего защиты у шведской армии. У Мазепы оставалось теперь единственная надежда — шведский король. Если бы он одержал решительную победу и одолел царя, Мазепа сумел бы вернуть все, что утратил. До конца дней Мазепе суждено было оставаться в лагере Карла. Он уже не был могущественным союзником, но Карл помнил, на какой риск он шел из-за него, и чтит его по-прежнему. К тому же король ценил острый ум и живой нрав этого невысокого жилистого старика, который несмотря на свои годы, был полон жизни и огня, а на латыни говорил так же свободно, как и сам король. В ходе русской кампании проницательность Мазепы и хорошее знание местности делали его ценным советником и проводником. Мазепа и приставшие к нему несколько тысяч казаков сохранили верность Карлу, чему немало способствовало отсутствие каких бы то ни

было заблуждений насчет того, что случится с ними, попади они в руки русских. Однако, по некоторым данным, Мазепа продолжал и дальше плести интриги. Казацкий полковник, из числа бежавших с Мазепой к шведам, явился к Петру с устным посланием, уверяя, что старый гетман обещает передать Карла в руки Петра, если царь простит его и восстановит в гетманском сане. Петр отослал к Мазепе гонца с извещением о согласии, но на этом все дело и заглохло.